

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ДИСКУРСА

*С.А. Жаботинская, докт. филол. наук,
А.В. Лещенко, канд. филол. наук (Черкассы)*

В статье, посвященной уяснению сути понятия «дискурс», излагаются его различные толкования и на их основе предлагается определение дискурса как коммуникативной ситуации, локализованной в определенном пространстве и времени. При этом дискурс рассматривается как сложная понятийная сущность, имеющая концептуальную модель, информационными фокусами (ИФ) которой являются АДРЕСАНТ, АДРЕСАТ и ТЕКСТ, наделенные рядом атрибутов (АИФ), относящихся к коммуникативно-прагматическому контексту и более широкому временному социокультурному контексту интеракции. Концептуальная модель позволяет связать в рамках целого такие понятия, как социо- и психотип коммуникантов, их коммуникативная компетенция, коммуникативный регистр общения, коммуникативная цель и жанр текста.

Ключевые слова: атрибуты информационных фокусов, дискурс, интеракция, информационные фокусы, концептуальная модель.

Жаботинська С.А., Лещенко Г.В. Концептуальна модель дискурсу. У статті, присвяченій з'ясуванню суті поняття «дискурс», наведено його різні тлумачення і на їх основі запропоновано визначення дискурсу як комунікативної ситуації, локалізованої у певному просторі й часі. При цьому дискурс розглядається як складна поняттєва сутність, що має концептуальну модель, інформаційними фокусами (ІФ) якої є АДРЕСАНТ, АДРЕСАТ і ТЕКСТ, наділені низкою атрибутів (АІФ), віднесених до комунікативно-прагматичного контексту і ширшого часового соціокультурного контексту інтеракції. Концептуальна модель дозволяє зв'язати в рамках цілого такі поняття, як соціо- та психотип комунікантів, їх комунікативна компетенція, комунікативний регістр спілкування, комунікативна мета і жанр тексту.

Ключові слова: атрибуты інформаційних фокусів, дискурс, інтеракція, інформаційні фокуси, концептуальна модель.

Zhabotynska S.A., Leshchenko A.V. Conceptual Model of Discourse. This paper, concerned with the meaning of the term “discourse”, analyzes its different interpretations and integrates them in the definition of discourse as a communicative situation localized in a particular space and time. Discourse is considered as a complex notion, the conceptual model of which includes the information focuses (IF) of the ADDRESSOR, ADDRESSEE, and TEXT that have their attributes (AIF) belonging to the communicative-pragmatic context and to the broader temporal socio-cultural context of interaction. The conceptual model links into a cohesive whole such entities as the socio- and psychotype of interacting subjects, their communicative competence, the communicative register of interaction, the communicative goal, and the text genre.

Key words: attributes of information focuses, discourse, interaction, information focuses, conceptual model.

Одним из наиболее сложных и многомерных феноменов современного гуманитарного знания является дискурс, изучению которого посвящены многочисленные работы зарубежных [4; 37; 36; 8; 39; 24; 19; 23; 20; 31 и др.] и отечественных исследователей [2; 26; 25; 32; 10 и др.]. Несмотря на широкую востребованность термина «дискурс», четкого и общепринятого определения стоящего

за ним понятия не существует до сих пор, что объясняется как междисциплинарным статусом самого понятия, так и различиями в его первоначальной трактовке национальными школами дискурсивного анализа: англо-американской (З. Харрис, Дж. Граймс, Т. Гивон, У. Чейф), французской (Э. Бенвенист, М. Пеше, М. Фуко, П. Серио), немецко-австрийской (У. Маас, Ю. Линк, Ю. Хабермас, Р. Водак) (подробнее см. в [31, с. 136–142]).

Семантическая неоднозначность термина «дискурс» [см. 25, с. 35–42] определила разнообразие его лингвистических толкований, где в зависимости от научных позиций исследователей понятие дискурса соотносится с понятиями «текст», «высказывание», «коммуникативная ситуация», «коммуникативное событие», «речевой жанр», «функциональный стиль», «подстиль», «коммуникативная интеракция» и пр. Трудности, связанные с делимитацией понятийных границ термина «дискурс», являются следствием концептуальной «размытости» самого термина, поэтому актуальной видится проблема систематизации базовых положений о природе, структуре и функциях дискурса и выработки единого унифицированного подхода к его изучению, интегрирующего накопленный опыт лингвистики текста и дискурса-анализа. Целью статьи является построение и описание концептуальной (понятийной) модели дискурса, способствующей формированию обобщенного представления о принципах внутренней организации анализируемого понятия.

В большинстве современных концепций дискурс рассматривается как интегральный феномен, мыслекоммуникативная деятельность, которая является совокупностью процесса и результата и включает в себя как экстралингвистический, так и собственно лингвистический аспект [32, с. 38]. Лингвистический аспект дискурса охватывает речевую деятельность коммуникантов (процесс) и текст (результат), экстралингвистический аспект включает когнитивную и коммуникативную деятельность, а также дискурсивный контекст.

На наш взгляд, для понимания сути дискурса ключевым является положение о его интеракцио-

нальности, предполагающей совместную коммуникационную (знаковую) деятельность субъектов, их «взаимодействие, помещенное в социально-культурные условия ситуации» [39, с. 398]. При этом субъекты коммуникации связаны взаимными ожиданиями и установками, общим интересом к предмету общения [6, с. 117]. Такая точка зрения более чем правомерна, поскольку сама коммуникация в целом и человеческая коммуникация в частности есть процесс взаимной координации деятельности посредством вербальных и невербальных знаковых систем, вырабатываемых и изменяемых в самом этом процессе (У. Матурана), поэтому коммуникационный процесс предполагает создание сферы совместных действий, консенсуальной дискурсивной (или знаковой) сферы [см. 18]. Эффект коммуникационного взаимодействия (интеракции) проявляется в сближении или отдалении позиций коммуникатора и реципиента по поводу общего предмета, т.е. в расширении или сближении возможностей их взаимопонимания и сотрудничества и в конечном счете – в достижении *согласия* между партнерами по коммуникации. Возникновение согласия обеспечивает взаимопроникновение картин мира, оценок, чувств участников интеракции, что позволяет им понимать, принимать или отвергать точки зрения и оценки друг друга [6, с. 117]. Интерактивность (ср. диалогичность в трактовке М. М. Бахтина) является природным свойством дискурса и проявляется в его адресованности, общности проблем, диалогическом характере мышления / понимания и т.д. [32].

В терминах диалогических отношений, устанавливаемых между субъектами коммуникации, дискурс следует понимать как взаимодействие коммуникантов (адресанта и адресата), осуществляемое с помощью семиотического кода в определенной ситуации общения, вписанной в определенный социально-культурный контекст. В случае вербального дискурса взаимодействие коммуникантов осуществляется посредством текстов (устных и письменных), создаваемых с помощью языкового кода. Это взаимодействие имеет два взаимосвязанных аспекта – адресацию как создание тек-

ста автором для адресата и интерпретацию как восприятие и понимание последним того, что хотел сообщить автор. В качестве основных составляющих дискурса выступают участники коммуникации (адресант и адресат), текст и дискурсивный контекст.

В нашем исследовании АДРЕСАНТ и АДРЕСАТ соотносимы с понятием *дискурсивной личности*, которое в современных работах представляет собой расширенную интерпретацию понятия «языковая личность», сформулированного Ю.Н. Карауловым [17, с. 245] (о трансформации понятия см. [21]). В условиях коммуникативной деятельности (реальной или виртуальной) *дискурсивная личность* субъекта конкретизируется в его *коммуникативной личности*, ответственной за протекание речевой коммуникации и активирующей резервы *языковой личности*, необходимые для формирования / восприятия вербального сообщения (текста). Дискурсивная личность характеризуется наличием дискурсивной компетенции, которая детерминирует выбор говорящим языковых средств и структур, речевых стратегий и тактик с учетом принятых в обществе правил общения, этнокультурных доминант и стереотипов, этически ориентированных установок межличностного взаимодействия и пр.

Дискурсивные личности адресанта и адресата взаимодействуют в ДИСКУРСИВНОМ КОНТЕКСТЕ, который, наряду с внутриязыковыми условиями, исходящими от языковых элементов и их отношений, включает и комплекс внешних по отношению к языку условий коммуникации, спроецированных в область дискурса [32]. Необходимыми предпосылками формирования дискурсивного контекста становятся ситуация общения, определенные культурные и социальные факторы, оказывающие влияние на реализацию смысла высказывания, опыт и знания субъектов коммуникации, их намерения в отношении друг друга, их статусно-ролевые характеристики, их психическое и физическое состояние [37, с. 9]. Дискурсивный контекст можно условно разделить на временной социокультурный и коммуникативно-прагматический

контексты (что соответствует определению макро- и микросреды существования текста, по А.А. Чувакину [см. 28, с. 30–31]). Если *временной социокультурный контекст* предоставляет информацию о культурно-исторических и социальных характеристиках коммуникантов, то *коммуникативно-прагматический контекст* специфицирует собственно коммуникативный акт (коммуникативный регистр общения и коммуникативные интенции адресата и адресанта). Оба контекста «скреплены» антропоцентрами адресанта и адресата, взаимодействие которых в общем дискурсивном контексте определяется понятием *коммуникативной ситуации*, включающей «условия общения, предметный ряд, время и место коммуникации, самих коммуникантов, их отношения друг к другу и т.п.» [29, с. 238]. Коммуникативная ситуация влияет на содержание и форму сообщения.

В классической теории коммуникации под сообщением понимается комплекс знаковых средств, построенных на базе одного или более кодов с целью передачи определенных смыслов и интерпретируемых на основе этих же или других кодов. Вербальное сообщение, создаваемое и интерпретируемое с помощью языкового кода, есть ТЕКСТ.

В нашем исследовании для уточнения взаимосвязи между указанными выше составляющими дискурса используется его **концептуальная (понятийная) модель**, основные компоненты которой представлены в виде информационных фокусов (далее – ИФ) и атрибутов информационных фокусов (далее – АИФ) (об использовании этих понятий см. [15]). В качестве информационных фокусов дискурса выступают АДРЕСАНТ, АДРЕСАТ и ТЕКСТ. ИФ «адресант» и «адресат» наделены атрибутами, каковыми являются место, время, социо-/ психотип коммуникантов, их коммуникативная компетенция, коммуникативная цель и коммуникативный регистр ситуации общения.

Как дискурсивные личности, АДРЕСАНТ и АДРЕСАТ взаимодействуют во временном социокультурном контексте, специфика которого зависит от места, времени, социо- и психо-

типа суб'єктів комунікації. Під *местом* розуміється належність адресанта і адресата не тільки до певного географічного регіону, але й до відповідної цьому регіону культури або субкультури. Під *временем* розуміється належність адресанта і адресата до певної історичної епохи, до певного історичного періоду. *Соціо-* і *психотип* комунікантів передбачає, з однієї сторони, їх належність до різних соціальних груп (етнічної, гендерної, вікової, статусної, освітньої, професійної і пр.), а з іншої сторони – до певного психологічного типу, під яким розуміється тип психологічного стану автора, створює текст, і читача цього тексту (ср. запропоновану В.П. Бєляніним психолінгвістичну типологію художественних текстів за їх емоційно-смыслову домінуючу, залежну від акцентуованості свідомості авторів [3]).

Вісний соціокультурний контекст впливає на комунікативно-прагматичний контекст, пов'язаний з власне комунікативним актом, який здійснюється в певному місці і часі, залежить від комунікативного реєстру і проявляє комунікативну компетенцію адресанта і адресата, їх комунікативні наміри, реалізовані за допомогою комунікативних стратегій і тактик.

Взаємоналежність комунікативно-прагматичного і вісного соціокультурного контекстів передбачає особливості комунікативної ситуації. Проявляється в ній *комунікативна компетенція* адресанта і адресата є їх здатність здійснювати мовну діяльність засобами мови відповідно до цілей і ситуації спілкування в межах тієї або іншої сфери діяльності. Комунікативна компетенція є комплексне поняття, що включає в себе кілька видів компетенції, до яких частіше за все відносять лінгвістичну (мовну), соціолінгвістичну (мовну), соціальну (прагматичну) і соціокультурну компетенції. Деякі дослідники [22] доповнюють цей перелік стра-

тегічної (компенсаторної), предметної і професійної компетенції.

Комунікативна компетенція адресанта і адресата, забезпечуюча, з однієї сторони, вибір мовних засобів і структур, необхідних для формування повідомлення, а з іншої – їх розуміння, корелює з комунікативними намірами обох суб'єктів і комунікативним реєстром, регулюючим їх взаємодію. Автор повідомляє щось адресату з певною *цілью*, розраховуючи на певну «зворотну зв'язь», на певне фізичне або ментальне діяння, яке може бути здійснено або не здійснено залежно від комунікативного наміру адресата. В лінгвопрагматичній комунікативній цілі адресанта, або комунікативній спрямованості висловлювання, пов'язаною з ілюкцією, а реакція адресата на сказане – з перлюкцією.

В комунікативній ситуації спосіб реалізації комунікативної цілі узгоджується з *комунікативним реєстром* – офіційним або неофіційним способом спілкування, який залежить насамперед від соціальної дистанції комунікантів (того, наскільки близько вони знають один одного) і від їх соціального рангу (статусу в суспільстві) [35, с. 110–111]. Комунікативний реєстр впливає на тональність спілкування і диференціює його тип: особисто-орієнтоване або статусно-орієнтоване спілкування [16]. Схожим чином описує це поняття М.Н. Макаров. Використовуючи термін «ступінь офіційності розмови», він розрізняє неспроможне (сімейне), нейтральне (неформальне), напівофіційне і офіційне спілкування [23, с. 207].

Комунікативна компетенція адресанта і адресата, комунікативна ціль і реєстр спілкування задають «(комунікативний) формат дискурсу». Розуміючи під ним різноманітність дискурсу, «виділяємо на основі комунікативної дистанції, ступені самовираження мовця, складених соціальних інститутів, реєстру спілкування і клішизованих мовних засобів», В.І. Карасик пов'язує його з поняттям «функці-

ональный стиль» [там же]. Тем самым можно говорить о деловом, разговорном, научном, публицистическом, художественном и пр. форматах дискурса, которые, в свою очередь, предопределяют жанры речи (подробнее о соотношении жанров и регистров дискурса см. в [38]). Используя жанр как «готовый», системный речевой паттерн, автор воплощает его в реальной речи, рассчитывая на идентификацию жанра со стороны адресата.

В современном языкознании понятие *речевой жанр* (далее – РЖ) относится к числу наиболее неоднозначных. РЖ рассматривают как модель (М.М. Бахтин, М.П. Брандес, Т.В. Шмелева, К.Ф. Седов), как текст (М.Ю. Федосюк, Ст. Гайда, В.В. Дементьев, О.С. Иссерс), как форму речи (А. Вежбицка, А.В. Шемякина), как часть коммуникативного события (Е.И. Шейгал, И.Н. Борисова, В.Е. Гольдин, О.Н. Дубровская), как средство концептуализации действительности (С.Ю. Данилов, Г.Г. Слышкин, В.А. Тырыгина) [см. 33, с. 39–53]. Вместе с тем, указанные подходы не столько противоречат друг другу, сколько являются взаимодополняющими, высвечивая с разной степенью полноты те или иные аспекты анализируемого понятия. Различия в подходах объясняются сложностью самого феномена «речевой жанр», который по сути является промежуточным звеном между языком и речью. В.В. Дементьев [9, с. 5] рассматривает РЖ как форму, которая заполняется языковыми средствами и реализуется в речи, наделяя коммуникацию системностью. При этом, с одной стороны, жанры – это не собственно коммуникация, а только ее формы (по М.М. Бахтину); с другой стороны – это формы речевые, хотя и достаточно стандартизованные. РЖ, таким образом, – не язык, но и «не совсем» речь, это переходное явление, обладающее гибридными свойствами. Жанр – это единица такого высокого уровня, когда стираются границы между речевым и языковым. Именно РЖ, продолжает В.В. Дементьев, составляют буферное пространство между «отчужденной» от человека системой языка и ее реальным использованием. Жанры привносят в речь и коммуникацию системность, стандарт

и семиотическое начало (по Э. Бенвенисту), способствуя развитию и кристаллизации языка в «борьбе» с недостатками непрямой коммуникации, препятствующими эффективному обмену как можно более точными смыслами [там же].

Учитывая двойственную природу РЖ (как явления языкового / системного / этического порядка и явления речевого / этического порядка), его можно рассматривать двояко: и как форму организации речи, модель речевого общения, коммуникативный шаблон (паттерн) [см. 33, с. 40], и как продукт речевого действия, т.е. текст, созданный по шаблону жанра. В первом случае под РЖ понимается «тип, форма, коммуникативная организация речевого действия и соответствующего речевого произведения либо представление, знание о типах, формах, коммуникативной организации речевых действий и соответствующих речевых произведений» [7, с. 6], что коррелирует с понятиями фрейма, сценария, схемы, ситуационной модели. Актуализация жанровых образцов формирует жанровые каноны, правила построения дискурсов в стереотипных ситуациях [33, с. 49]. Жанровые каноны, по И.В. Шерстяных, и есть коммуникативные сценарии, предусматривающие типовые способы осуществления и оформления речевых событий [там же]. Представление о жанровых канонах обеспечивает идентификацию жанра получателем [11, с. 10]. Во втором случае подчеркивается текстовая природа РЖ, который определяется как «речевое произведение, обладающее устойчивыми, повторяющимися сущностными (содержательными) и формальными признаками» [1, с. 80]. С этих позиций «жанр – это культурно и исторически оформленный, общественно конвенционализированный способ языковой коммуникации; образец организации текста» [5, с. 104]. Этот термин также означает «совокупность текстов, в которых определенный образец является актуализированным, реализованным» [там же].

Несмотря на очевидные различия в понимании сущности РЖ, оба подхода, на наш взгляд, не являются взаимоисключающими, они, скорее, описывают две стороны одного и того же явления. Объек-

тивно существуя в языковом сознании личности в качестве потенциальной модели, коммуникативного паттерна, РЖ в условиях речевой коммуникации актуализируется в виде текста, наделенного рядом устойчивых жанровых признаков, которые обеспечивают композиционное, стилистическое и тематическое единство данного текста (ср. жанр-абстракция и жанр-реализация, по Т.В. Яхонтовой [34, с. 12]). В предложенной нами модели дискурса АИФ *речевой жанр* маркирует ту буферную зону, где происходит вербализация сообщения, вследствие чего *жанр речи* трансформируется в *жанр текста*.

ТЕКСТ, таким образом, не может существовать вне жанра. Именно жанр является системообразующим фактором порождения (и восприятия) текста, регламентирующим способы и формы организации текстовой информации, порядок ее структурирования, степень стандартизации и экспрессивности используемых средств выражения и т.д. Жанр – это форма существования текста, причем не просто форма, а «значимая форма, т.е. такая форма, которая “тянет” за своей внешней, видимой, выраженной частью внутреннюю, невидимую, невыраженную часть» [30, с. 12]. Жанр как «паттерн», форма текста наполняется конкретным содержанием при актуализации в речи.

В концептуальной модели дискурса его информационные фокусы (ИФ) и их атрибуты (АИФ) связаны отношениями, представленными в ряде базисных пропозициональных схем, получивших описание в работах С.А. Жаботинской [13; 14; 15 и др.]. Схемами, применимыми для структурирования понятия «дискурс», являются следующие:

- схема классификации: «ID-идентификатив (*адресант* и *адресат*) есть CL-классификатор / тип (*социо-/психотип*)»;
- партитивная схема: «WH-целое (*адресант, адресат*) имеет PR-часть (*коммуникативная компетенция*)»;

- схема каузации с расширителями “бенефактив”, “цель” и “медиатив”: «CR-каузатор (*адресант*) делает (*создает*) FT-фактитив (*текст*) для BF-бенефактива (*адресата*) с /из-за/ GL-целью (*коммуникативная цель*) посредством MD-медиатива (*коммуникативная компетенция*)»;
- инклюзивная схема: «СТ-содержимое (*текст, сообщение*) имеет CR-контейнер (*жанр*)»;
- локативная и темпоральная схемы: «CR-каузатор (*адресант*) и BF-бенефактив (*адресат*) существуют ТАМ (L)-место / ТОГДА (T)-время (*временной социокультурный и коммуникативно-прагматический контексты*)»;
- квалитативная схема: «L/T-место/время (*коммуникативно-прагматический контекст*) есть ТАКОЙ (*коммуникативный регистр*)»;
- схема контактного действия с расширителями “медиатив” и “цель”: «AG-агенса (*адресат*) действует на (*понимает, интерпретирует*) PT-пациенса (*текст*) посредством MD-медиатива (*коммуникативная компетенция*) с /из-за/ GL-целью (*коммуникативная цель*)».

Пропозициональные схемы объединяются в концептуальную сеть (рис. 1), которую можно преобразовать в концептуальную матрицу (рис. 2), демонстрирующую существование ИФ и АИФ дискурса в дискурсивной среде, представленной двумя информационными пространствами: «Временной социокультурный контекст» и «Коммуникативно-прагматический контекст». Дискурсивная среда, по Н.Ф. Алефиренко [27, с. 71], включает мотивирующую и мотивированную программы речемышления, в основе которых лежит единый универсальный механизм текстовой деятельности, воспринимаемый с противоположных (автор – читатель) позиций. В терминах нашего исследования речемышлительные программы текстопорождения и текстовосприятия именуются *адресацией* и *интерпретацией*.

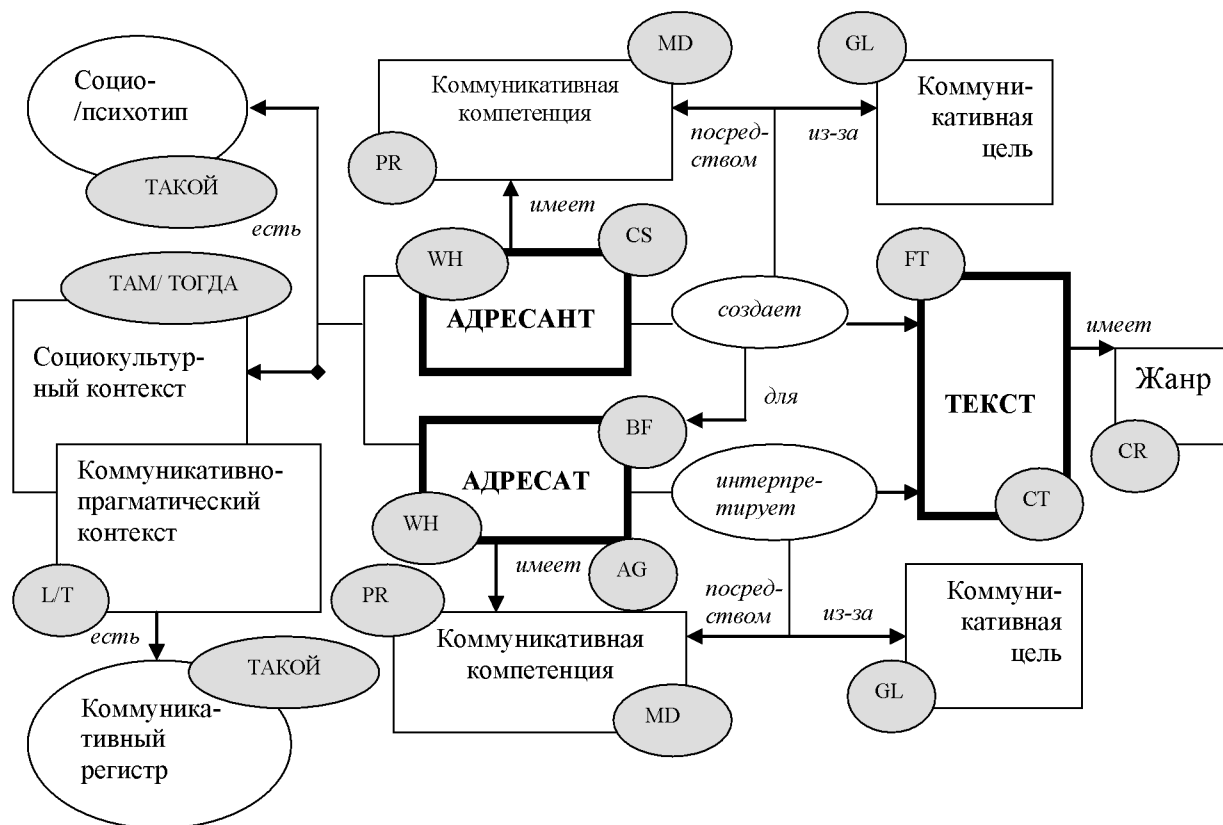

Рис. 1. Концептуальная сетевая модель понятия ДИСКУРС

Таким образом, предложенная нами концептуальная модель организации дискурса демонстрирует механизм формирования жанрово-обусловленного вербализованного сообщения (текста) как результата речемыслительного коммуникативного процесса, протекающего в условиях социального взаимодействия участников коммуникации. Эта модель имеет универсальный характер и может быть использована не только при описании различных видов (устный / письменный, реальный / расщепленный, монологический / диалогический) и типов вербального дискурса (художественный, научный, рекламный и пр.), но и при анализе дискурсов, использующих иные семиотические коды (дискурс живописи, графики, музыки, кино и т.д.). В этом случае вариабельным компонентом модели становится семиотический текст, под которым понимается «определенным образом устроенная совокупность любых знаков, обладающая фор-

мальной связностью и содержательной цельностью» [12, с. 6].

Концептуальная модель не только демонстрирует способы организации информации в понятии «дискурс», но и служит основанием для систематизации основных признаков текста – текстовых категорий, часть которых может быть отнесена к тексту как таковому (фактуальные категории), а часть – транспонирована в текст из дискурса (дискурсивные категории). Разграничение и описание фактуальных и дискурсивных текстовых категорий является темой отдельного исследования, связанного с данным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барнет В.М. Проблемы изучения жанров устной научной речи / В.М. Барнет // Современная русская устная речь ; [ред. О.А. Лаптева]. – Красноярск, 1985. – С. 80–132. 2. Бацевич Ф.С. Текст, дискурс, речевой жанр: соотношение понятий / Ф.С. Бацевич //

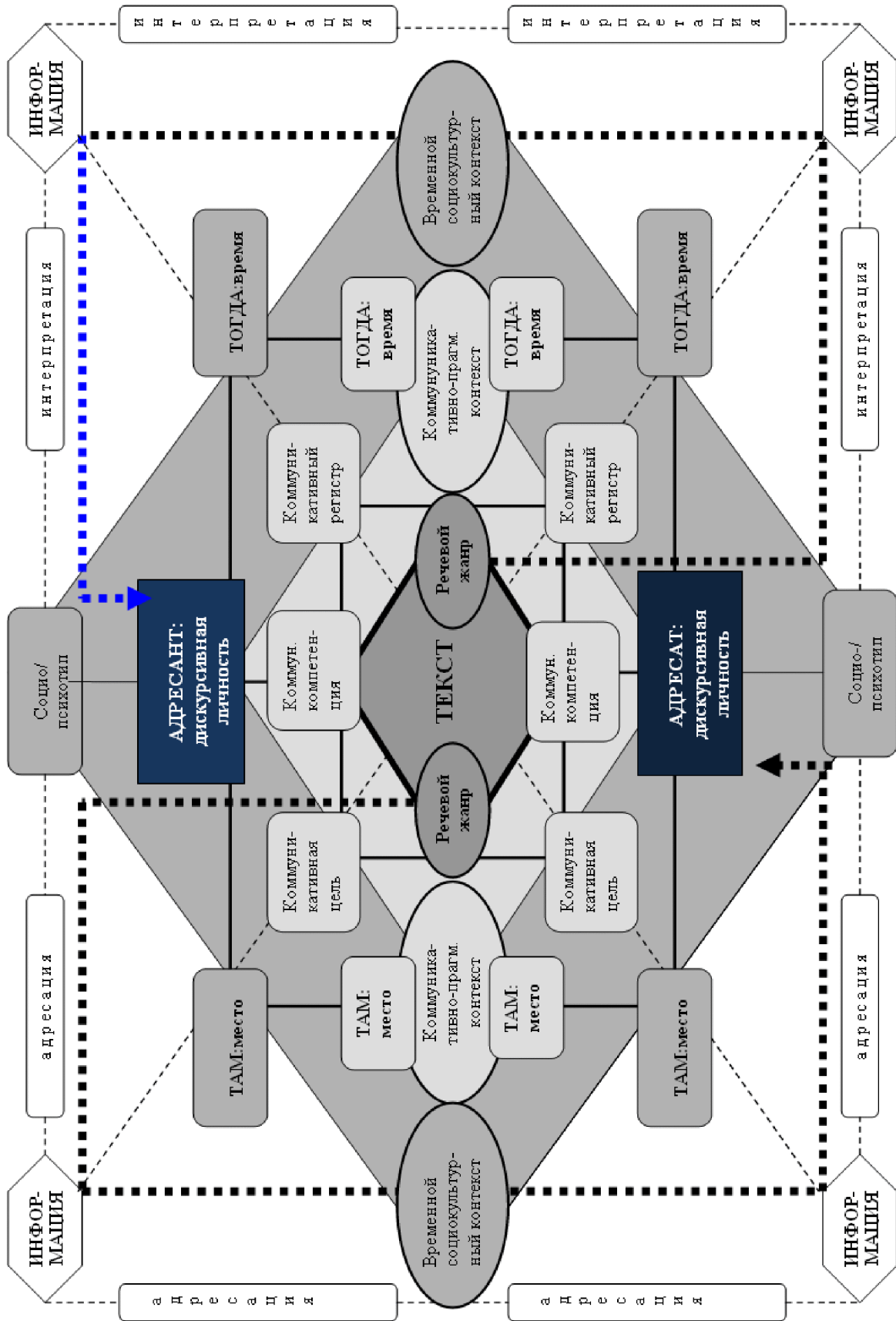

Рис. 2. Концептуальная матричная модель понятия ДИСКУРС

- Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. Серія Філологія. – 2001. – Вип. 33. – С. 3–6. 3. Белянин В.П. Основы психолінгвистической диагностики. (Модели мира в литературе) / В.П. Белянин. – М. : Тривола, 2000. – 248 с. 4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; пер. с фр. Ю.Н. Караулова, В.П. Мурат, И.В. Барышевой, Н.И. Мельниковой. – М. : Прогресс, 1974. – 446 с. 5. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний / Ст. Гайда; [пер. с польск. В.В. Дементьева] // Жанры речи. Вып. 2; [отв. ред. В.Е. Гольдин]. – Саратов, 1999. – С. 103–111. 6. Гнатюк О.Л. Основы теории коммуникации : [учеб. пособие] / О.Л. Гнатюк. – М. : КНОРУС, 2010. – 256 с. 7. Гольдин В. Е. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий / В.Е. Гольдин, О.Н. Дубровская // Жанры речи. Вып. 3; [отв. ред. В.Е. Гольдин]. – Саратов, 2002. ? С. 5–17. 8. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Дейк Т.А. ван; [пер. с англ. под ред. В.И. Герасимова]. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с. 9. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В.В. Дементьев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 248 с. 10. Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен / [Безуглая Л.Р., Бондаренко Е.В., Донец П.М. и др.]; под ред. И.С. Шевченко; пер. с укр. – Харьков : Константа, 2005. – 356 с. 11. Долинин К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К.А. Долинин // Жанры речи. Вып. 2; [отв. ред. В.Е. Гольдин]. – Саратов, 1999. – С. 7–13. 12. Елина Е.А. Семиотика рекламы / Елина Е.А. – М. : Дашков и Ко, 2009. – 136 с. 13. Жаботинская С.А. Концепт / домен: матричная и сетевая модели / С.А. Жаботинская // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 168. – Т. 1. – С. 254–259. 14. Жаботинская С.А. Имя как текст: концептуальная сеть лексического значения (анализ имени эмоции) / С.А. Жаботинская // Когниция, коммуникация, дискурс : Международный электронный сборник научных трудов. – 2013а. – № 6. – С. 47–76. 15. Жаботинская С.А. Семантика лингвальных сетей и структурирование информации в профессиональной сфере / С.А. Жаботинская // Тринадцатая международная научно-практическая конференция «Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития». 26–29 ноября 2013 г. : материалы конференции. – СПб : Изд-во ИМЦ «НВШ – СПб», 2013б. – С. 96–100. 16. Карасик В.И. О категориях дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: социолінгвистические и эмотивные аспекты : [сб. науч. тр.]. – Волгоград-Саратов, 1998. – С. 185–197. 17. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М. : Наука, 1987. – 262 с. 18. Кашкин В.Б. Сопоставительные исследования дискурса / В.Б. Кашкин // Концептуальное пространство языка. – Тамбов, 2005. – С. 337–353. 19. Кубрякова Е.С. Виды пространств текста и дискурса / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время : материалы науч. конф. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – С. 15–26. 20. Кубрякова Е.С. Дискурс: определение и направления в его исследовании / Е.С. Кубрякова // Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004. – С. 519–531. 21. Лещенко А.В. Трансформация понятия «языковая личность» в современных научных исследованиях / А.В. Лещенко // Исследования в контексте профессиональной коммуникации: [кол. монография]; отв. ред. О.А. Дронова. – Тамбов : ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. – С. 234–238. 22. Литвинко Ф.М. Коммуникативная компетенция как методическое понятие / Ф.М. Литвинко // Коммуникативная компетенция: принципы, методы, приемы формирования : сб. науч. ст. ; в авт. ред. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2009. – Вып. 9. – 102 с. 23. Макаров Л.М. Основы теории дискурса / Л.М. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с. 24. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 35–73. 25. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации : [монографическое учебное пособие] / Е.А. Селиванова. – К. : ЦУЛ «Фитосоциоцентр», 2002. – 336 с. 26. Серажим К. Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність (на матеріалі сучасної газетної публіцистики) : [монографія]; ред. В. Різун / К. Серажим. – К. : КНУ, 2002. – 392 с. 27. Текст и дискурс: [учеб. пособие для магистрантов] / [Алефиренко Н.Ф., Голованева М.А., Озерова Е.Г., Чумак-Жунь И.И.]. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2012. – 232 с. 28. Теория текста: [учеб. пособие] / [Земская Ю.Н., Качесова И.Ю., Комиссарова Л.М., Панченко Н.В., Чувакин А.А. / ред. А.А. Чувакин]. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – М. : Флинта: Наука, 2010. – 224 с. 29. Торсуева И.Г. Контекст / И.Г. Торсуева // Лингвистический энциклопедический словарь; ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990. – С. 238–239. 30. Тырыгина В.А. Жанровая стратификация масс-медийного дискурса / В.А. Тырыгина. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 320 с. 31. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность: [учеб. пособие] /

- В.Е. Чернявская. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с. 32. Шевченко И.С. Дискурс как мыслекоммуникативное образование / И.С. Шевченко, Е.И. Морозова // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С. 33–38. 33. Шерстяных И.В. Теория речевых жанров : [лекционно-практический курс для магистрантов] / И.В. Шерстяных. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2013. – 546 с. 34. Яхонтова Т.В. Лінгвогенологія сучасної науки (на матеріалі англомовних текстів) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Т.В. Яхонтова. – К., 2014. – 36 с. 35. Aitchison J. Linguistics / J. Aitchison. – Chicago : NTC Publishing Group, 1993. – 232 p. 36. Brown G. Discourse Analysis / G. Brown, G. Yule. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 288 p. 37. Dijk T.A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse / Dijk T.A. van. – The Hague etc : Mouton, 1981. – 331 p. 38. Eggins S. Genres and Registers in Discourse / S. Eggins, J.R. Martin // Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – Vol. 1 ; ed. by T.A. van Dijk. – London etc. : SAGE, 1987. – P. 230–256. 39. Schiffrin D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Oxford : Blackwell, 1994. – 470 p.